

БЕСЕДА М.С. ГОРБАЧЕВА с Р. РЕЙГАНОМ

Четвертая беседа

12 октября 1986 года

На беседе присутствовали министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе и госсекретарь США Дж. Шульц.

ГОРБАЧЕВ. О Договоре по ПРО. Хочу внести предложение, которое сочетает ваш и наш подход, показывает твердую приверженность сторон Договору по ПРО и увязывает процесс укрепления режима ПРО с сокращением и ликвидацией ядерного оружия. Наша формула следующая:

«СССР и США обязались бы в течение 10 лет не пользоваться имеющимся у них правом выхода из бессрочного Договора по ПРО и в течение этого периода строго соблюдать все его положения. Запрещаются испытания всех космических элементов противоракетной обороны в космосе, кроме исследований и испытаний, проводимых в лабораториях.

В ходе первых пяти лет этого десятилетия (до 1991 года включительно) будут сокращены на 50 процентов стратегические наступательные вооружения сторон.

В течение следующих пяти лет этого периода будут сокращены оставшиеся 50 процентов стратегических наступательных вооружений сторон.

Таким образом, к исходу 1996 года у СССР и США стратегические наступательные вооружения будут ликвидированы полностью».

Из этой формулы хорошо виден главный момент нашей позиции. **Мы хотим подтвердить приверженность сторон Договору по ПРО, обогатить режим Договора и увязать его с процессом ликвидации стратегических вооружений.**

РЕЙГАН. Наша позиция предполагает несколько иную формулировку. Надеюсь, что это различие мы сможем устранить в ходе нашей беседы. Вот наша формула:

«Стороны соглашаются ограничиться исследованиями, разработками и испытаниями, разрешенными по Договору по ПРО, на период 5 лет до 1991 года включительно, в ходе которого будет осуществлено 50-процентное сокращение стратегических ядерных арсеналов. После этого обе стороны продолжают теми же темпами сокращение остающихся наступательных баллистических ракет с целью полной ликвидации наступательных БР к концу второго пятилетнего периода. При продолжении сокращений соответствующими темпами остаются в силе те же ограничения в связи с Договором по ПРО. В конце этого периода стороны будут иметь право развернуть оборонительные системы».

ГОРБАЧЕВ. Повторяю, наше предложение отвечает задаче укрепления Договора по ПРО в увязке с сокращениями ядерных арсеналов. Ваша формула, как я вижу, не идет навстречу этой нашей позиции. **Главный смысл подхода Советского Союза состоит в том, что в период, когда СССР и США осуществляют глубокие сокращения ядерных вооружений, мы должны упрочить, а не расшатывать, не подрывать Договор по ПРО.** Мы просим американскую сторону еще раз взвесить нашу вполне обоснованную линию, наше предложение, которое, как мы уверены, идет в русле укрепления Договора по ПРО и подчеркивает обязательство сторон соблюдать его положения, не пользоваться в течение 10 лет имеющимся у сторон правом выхода из Договора. **Речь идет прежде всего об отказе от испытаний любых космических элементов противоракетной обороны в космосе, то есть от шагов, которые фактически предваряли бы развертывание таких систем.** Хочу еще раз подчеркнуть: то, что запрещено по нашей формуле, не касается испытаний в лабораториях и оставляет возможность для американской стороны, как и для советской, вести в лабораториях все исследования, связанные с космосом, в том числе и исследования по СОИ. Мы не подрываем вашу идею СОИ, разрешаем заниматься такой деятельностью, которая ведется уже Соединенными Штатами и которую все равно невозможно проконтролировать. Мы ставим эту систему лишь в рамки лабораторных

исследований. Думаю, что США могли бы на это пойти, особенно с учетом тех крупных шагов, которые сделал Советский Союз.

РЕЙГАН. Это все равно не снимает вопроса о том, что нам делать через 10 лет, если мы захотим создать оборону от баллистических ракет. Я все-таки не понимаю, почему Вы так возражаете против СОИ. Что касается того, что запрещено Договором по ПРО, а что им разрешено, то здесь у сторон имеются различия в толковании.

ГОРБАЧЕВ. Если Вы хотите предусмотреть ситуацию на период после 10 лет, то у нас на этот счет тоже была формулировка. Если хотите, то мы можем дополнить ею предложенный нами текст. Эта формулировка из проекта директив, который я передал Вам вчера. Вы, наверное, помните, там говорится, что **по истечении 10-летнего периода в течение нескольких лет стороны выработают путем переговоров дальнейшие взаимоприемлемые решения в этой области. Как видите, мы предлагаем широкую формулу того, что мы можем делать после 10 лет. Если Вы сочтете необходимым продолжать СОИ, то мы можем это обсудить. Зачем же решать вопрос заранее, сейчас? И зачем заставлять нас подписываться под СОИ? Может быть, у нас будут другие интересы?**

РЕЙГАН. Мы хотим уже сейчас предусмотреть возможность обороны на тот случай, если через 10 лет, когда у нас уже не будет ракет, кто-то еще захочет воссоздать ядерные ракеты.

ГОРБАЧЕВ. **Наша точка зрения состоит в том, что за эти 10 лет мы ликвидируем стратегические ядерные силы. Поэтому мы предлагаем в такой ответственный период укрепить режим ПРО. В этих условиях мы сможем выполнить историческую задачу ликвидации стратегических наступательных вооружений.** Зачем отягощать дело другими проблемами, в отношении которых нет ясности у нас, последствия которых неясны? Это лишь подрывало бы уверенность одной стороны в том, правильно ли она поступает, производя сокращения ядерных сил в условиях, когда другая сторона делает такие шаги, которые будут иметь отягчающие последствия для

всего этого процесса. Согласитесь, что на это пойти нам было бы труднее, когда Вы связываете насотягчающими гириями. Поэтому мы предлагаем договориться относительно 10-летнего срока невыхода из Договора по ПРО. На протяжении этого периода вести работы только в лабораториях, а затем, после того, как этот период истечет и стратегические вооружения будут ликвидированы, обсудить, что делать дальше. И, кстати, научно-технический аспект СОИ при этом продолжался бы, ваш потенциал в этой области сохранялся бы, и такое решение совсем не было бы похоронным звоном по вашей программе СОИ.

РЕЙГАН. Вы просили, чтобы Договор по ПРО соблюдался в течение 10 лет. Мы даем вам 10 с половиной лет. В конце десятилетнего периода стороны действительно будут иметь право дать 6-месячное уведомление, и по истечении 6-месячного срока начать развертывание. Но обратите внимание: мы предлагаем только такие исследования, разработки и испытания, которые разрешены Договором по ПРО. И если после 10-летнего периода мы дадим уведомление о выходе из Договора (а я полагаю, что так оно и будет), то какие могут быть возражения против развертывания, — если, конечно, вы не собираетесь вновь создать ядерное оружие или вытащить его откуда-то из укрытия. Мы готовы предоставить результаты исследований в ваше распоряжение.

Итак, мы пошли Вам навстречу относительно 10-летнего срока. Ну, а если Вы так решительно настроены насчет необходимости укрепления Договора по ПРО, то как же понимать Красноярскую РЛС¹. И это в то время, когда мы соблюдаем Договор по ПРО и даже не создали всего, что по нему разрешается.

ГОРБАЧЕВ. Я все-таки хотел бы, чтобы Вы внимательно рассмотрели наше предложение. Оно охватывает элементы и ваших, и наших предложений. Если оно приемлемо, то я готов его подписать.

¹ *Красноярская радиолокационная станция, советский военный объект, система раннего предупреждения о ракетном нападении.*

ШУЛЬЦ. Может быть, Вы передадите нам эту формулу в напечатанном виде на английском языке, чтобы мы могли ее внимательно рассмотреть.

ГОРБАЧЕВ. Хорошо.

Могу повторить, что мы не возражаем сделать приписку к нашему предложению относительно возможности того, что по истечении 10 лет стороны за период в несколько лет постараются найти путем переговоров какое-либо взаимоприемлемое решение проблемы. Вы предлагаете СОИ. Для нас этот вариант неприемлем. Мы хотим оставить возможность найти что-нибудь другое. Таким образом, наша формула позволяет учесть ситуацию и на перспективу после 10 лет. Суммируя наше предложение, подчеркну: стороны в течение 10 лет строго соблюдают Договор по ПРО и берут обязательство не использовать право выхода из Договора. Одновременно с этим они продолжают лабораторные исследования. По истечении 10 лет в условиях полной ликвидации ядерного оружия стороны собираются вместе и решают, как им быть дальше, договариваются об этом. Не понимаю, что Вас здесь смущает.

РЕЙГАН. Если мы устраним полностью ядерное оружие, то почему вас будет беспокоить желание одной из сторон обезопасить себя на всякий случай от оружия, которого у нас с вами уже больше не будет? Ракеты может создать кто-либо еще, и лишняя гарантия будет уместной. Мы же с вами полностью ликвидируем наше оружие. Я могу представить себе, как через 10 лет мы с Вами вновь соберемся в Исландии для того, чтобы в торжественной обстановке уничтожить последнюю советскую и американскую ракеты. Я уже буду такой старый, что Вы меня даже не узнаете. И спросите изумленно: «Эй, Рон, неужели это ты? Что ты здесь делаешь?». И мы устроим по этому поводу большой праздник.

ГОРБАЧЕВ. А я не знаю, доживу ли я до этого момента.

РЕЙГАН. А я уверен, что доживу.

ГОРБАЧЕВ. Вы-то доживете, Вы прошли опасный для мужчины возраст, и теперь у Вас ровная дорога до 100 лет. А у меня еще эти опасности

впереди, они настанут для мужчины к 60 годам. Да к тому же еще мне приходится встречаться с Президентом Рейганом, который, как я убедился, страшно не любит уступать. Президент Рейган хочет быть победителем. Но **здесь, в этих вопросах, одного победителя быть не может: либо победим мы оба, либо оба проиграем. Мы здесь в одной лодке.**

РЕЙГАН. Я знаю, что не доживу до 100 лет, если мне придется жить в страхе перед этими проклятыми ракетами.

ГОРБАЧЕВ. Давайте сократим их и ликвидируем.

РЕЙГАН. Положение сейчас довольно странное. Мы оба выдвинули определенные требования. Вы – за 10-летний срок. Я сказал, что не откажусь от СОИ. Но оба мы, видимо, можем сказать, что самое главное – это ликвидация ядерных арсеналов.

ГОРБАЧЕВ. Но вам и не пришлось бы оказываться от СОИ, поскольку исследования и испытания в лабораториях не были бы запрещены. Таким образом, вы могли бы продолжать деятельность в рамках программы СОИ. Ваши противники и рта раскрыть не смогут, особенно в условиях, когда мы ликвидировали бы ядерное оружие.

Я вообще категорически против ситуации, когда в итоге нашей встречи был бы один победитель и один проигравший. Даже если это и имело бы место сейчас, то на следующем этапе, в процессе подготовки текста соглашений, это сказалось бы, и проигравший повел бы себя так, что все оказалось бы разрушено. Поэтому необходимо равенство как на нынешнем этапе, так и на следующем. Ведь от достижения договоренности и до окончательной ратификации соглашений пройдет немалое время. И поэтому лишь в том случае, если в документе будут учтены и интересы США, и интересы СССР, такой документ будет заслуживать ратификации и поддержки. Кстати, и Вы неоднократно говорили о том, что в прежних переговорах договоренности не всегда учитывали интересы обеих сторон.

РЕЙГАН. Может быть, мы решим так: вопрос о том, какие исследования, разработки и испытания разрешаются по Договору по ПРО,

остается для обсуждения и переговоров на встрече в ходе Вашего визита. Мы договариваемся относительно 10-летнего срока, разбивки его на два пятилетних периода, в ходе которых будет ликвидировано ядерное оружие, а все, что касается испытаний, лабораторных исследований, положений Договора по ПРО и т. д., обсудим на встрече на высшем уровне.

ГОРБАЧЕВ. Но без этого нет пакета. Все эти вопросы взаимосвязаны. **Если мы договариваемся о глубоких сокращениях ядерных вооружений, то нам необходимо иметь уверенность, гарантию, что Договор по ПРО будет не только сохранен, но и упрочен в ходе этого ответственного периода, исторического периода, когда будут ликвидироваться стратегические наступательные вооружения.** Повторяю, этот период слишком ответственный, импровизировать тут опасно. Я уверен, что сохранение Договора по ПРО отвечает и интересам США.

РЕЙГАН. Кажется, мы ни к чему здесь не приходим. Но я просто не могу понять, почему Вы возражаете, исходя из опасений о том, что случится через десять с половиной лет, когда и баллистических ракет не будет. Может быть, мы еще раз посмотрим, в чем у нас разногласия?

ГОРБАЧЕВ. Я могу предложить следующий вариант: добавить к предлагаемому нами тексту еще одно предложение. Оно было в наших предложениях, но американская сторона почему-то его не приняла. Мне кажется, это добавление позволит решить проблему.

ШУЛЬЦ. Между нами есть, как мне кажется, два различия. Во-первых, в вопросе о том, что считать разрешенными исследованиями в течение срока в 10 лет. Во-вторых, как мне представляется, советская сторона имеет в виду неопределенно долгий период, в течение которого мы не сможем отходить от Договора по ПРО. Мы имеем в виду 10 лет.

ГОРБАЧЕВ. Нет, здесь надо иметь полную ясность. **Мы считаем, что на этапе, когда мы начинаем реальные сокращения ядерных вооружений, Договор по ПРО не только нельзя ослаблять, но следует укрепить, упрочить. На период в 10 лет стороны откажутся от права выйти из**

Договора, а после этих 10 лет – посмотрим. Может быть, мы и дальше сохраним Договор, а может быть – появятся какие-то новые элементы. Но в течение 10 лет Договор надо сохранить, более того – упрочить.

ШУЛЬЦ. Таким образом, в течение 10 лет стороны не будут пользоваться правом выхода из Договора, а после 10 лет этого аспекта не будет. Тогда стороны смогут осуществить это право.

ШЕВАРДНАДЗЕ. При этом, напоминая, исследования не будут ограничиваться, но они будут проводиться лишь в лабораториях.

ГОРБАЧЕВ. Господин Президент, я помню, как было дело в Женеве. Мы с Вами сидели в комнате и пили кофе, настроение у нас было хорошее, и мы думали, что дело идет к успеху. Зашел госсекретарь Шульц и сообщил нам, как обстоят дела. Он сказал, что советская делегация не дает согласия на договоренности по некоторым вопросам. И тогда Вы сказали мне: хлопните по столу и прикажите своим людям договориться! Я вышел, и через 15 минут договоренность была достигнута. Если мы сейчас сделаем перерыв, и Вы добьетесь договоренности за 10 минут, то считайте это еще одной Вашей победой.

ШУЛЬЦ. Возникает один вопрос, который, может быть, не является проблемой, но я хочу его уточнить. Вы говорите в Вашей формулировке, что в течение последующих пяти лет сокращаются остающиеся 50 процентов стратегических наступательных вооружений. Вы имеете в виду постепенный процесс сокращения, который в конечном счете приведет к ликвидации этих вооружений к концу этого срока?

ГОРБАЧЕВ. Да, к концу второго пятилетнего срока они будут полностью ликвидированы.

ШУЛЬЦ. Хорошо, я понимаю это.

Но есть еще одно различие. Мы говорим о ликвидации наступательных баллистических ракет.

ГОРБАЧЕВ. Но ведь мы договорились о 50-процентном сокращении на протяжении первых пяти лет всех стратегических вооружений. Было бы

логично, если бы остающиеся 50 процентов ликвидировались в следующие 5 лет. Ликвидируемые вооружения включали бы все компоненты триады – ракеты, в том числе тяжелые ракеты; ракеты подводных лодок, бомбардировщики. Это было бы справедливо. Думаю, что, когда у нас будет конкретный текст договора, в нем будут точные графики сокращения и ликвидации вооружений при поддержании равенства на всех этапах.

ШУЛЬЦ. В предлагаемом нами варианте говорится о ликвидации наступательных баллистических ракет. К таким ракетам относятся не только стратегические ракеты, но и, например, ракеты промежуточной дальности и другие. Вы же говорите о стратегических наступательных вооружениях. Это – другая категория вооружений.

ГОРБАЧЕВ. Я считал, что мы вчера предложили и вы согласились на вариант, который предусматривает сокращение на 50 процентов всей триады стратегических вооружений, включая и такие ракеты, как СС-18, которые вас так беспокоят. Этот вариант нам нелегко дался. Но мы пошли на него, чтобы не увязнуть в болоте уровней, подуровней и т. д.

А поэтому давайте договоримся, что и в данном случае речь идет не только о ракетах, но о всех стратегических наступательных вооружениях. Тем более что, как я понимаю, наши эксперты дали согласие на ваше предложение относительно правила засчета бомбардировщиков с бомбами и ракетами СРЭМ².

Был объявлен перерыв, после которого переговоры продолжились.

РЕЙГАН. Мы Вас продержали долго, так как нам между собой было не так легко договориться. Мы искали формулировку, которая шла бы навстречу Вашему желанию относительно 10-летнего срока. Вот тот последний вариант, который мы можем предложить:

«СССР и США обязуются в течение 10 лет не пользоваться имеющимся у них правом выхода из бессрочного Договора по ПРО и в течение этого

² *Ракеты, предназначенные для подавления позиций зенитных управляемых ракет ПВО СССР.*

периода строго соблюдать все его положения, в то же время продолжая исследования, разработки и испытания, разрешенные Договором по ПРО.

В ходе первых пяти лет (до 1991 года включительно) будут сокращены на 50 процентов стратегические наступательные вооружения сторон.

В течение следующих пяти лет этого периода будут сокращены оставшиеся наступательные баллистические ракеты обеих сторон.

Таким образом, к концу 1996 года у СССР и США наступательные баллистические ракеты будут ликвидированы полностью.

По истечении 10-летнего срока каждая сторона могла бы развернуть оборонительные средства, если она того пожелает, если только стороны не договорятся об ином».

Как Вы относитесь к этой формуле?

ГОРБАЧЕВ. У меня к Вам два вопроса в порядке уточнения американской формулировки. Вы говорите об исследованиях, разработках и испытаниях, разрешенных Договором по ПРО. Из Вашей формулы исчезло упоминание о лабораторных исследованиях. Это сделано специально?

РЕЙГАН. На переговорах в Женеве наши делегации вели обсуждение вопроса о том, что представляют собой исследования и другая деятельность, разрешенные Договором по ПРО. Этот вопрос мог бы быть решен на переговорах в Женеве.

ГОРБАЧЕВ. Я спрашиваю: сознательно или нет Вы опустили упоминание лабораторий?

РЕЙГАН. Да, сознательно, а в чем дело?

ГОРБАЧЕВ. Я просто уточняю американскую формулировку. Пока еще я ее не комментирую. Еще один вопрос: в первой части этой формулы говорится о стратегических наступательных вооружениях сторон, которые будут сокращены на 50 процентов в первые 5 лет, а во второй части, где говорится о следующих 5-ти годах, сказано о наступательных баллистических ракетах. Что здесь имеется в виду? Почему такая разница в подходе?

РЕЙГАН. Нам передали в перерыве, что советская сторона хотела бы специально упомянуть о наступательных стратегических ракетах. Поэтому мы и включили эту формулу. Действительно, в первой части мы говорим о всех видах стратегического ядерного оружия, включая бомбы на бомбардировщиках и ракеты. Но во второй части мы говорим о баллистических ракетах, понимая так, что этого хотите Вы.

ГОРБАЧЕВ. Здесь какое-то недопонимание. Если говорить о стратегических наступательных вооружениях, то между нами уже давно согласовано, что в их число включаются все компоненты триады – МБР, БРПЛ и тяжелые бомбардировщики. Не вижу, что могло измениться в этом вопросе. Если говорить о ракетах другого класса – РСД и ракетах с дальностью меньше 1000 километров, – то их сокращение предусматривается в другой части пакета. Здесь мы тоже ничего не снимаем из наших предложений. Но что касается первой части Вашей формулировки и второй части, относительно последующих 5-ти лет, то тут должно быть одинаково записано. Если мы говорим о сокращении на 50 процентов стратегических наступательных вооружений, то в последующие 5 лет должны ликвидироваться остающиеся 50 процентов СНВ.

РЕЙГАН. Итак, я понимаю, что к концу 1996 года все стратегические наступательные баллистические ракеты будут ликвидированы?

ГОРБАЧЕВ. А самолеты? Ведь стратегические вооружения представляют собой триаду, включающую МБР, БРПЛ и бомбардировщики. Так что между нами есть ясность, что такое стратегические вооружения. И наша группа, работавшая сегодня ночью, записала, что сокращаться на 50 процентов будут все элементы триады.

РЕЙГАН. Но меня интересует: будут ли ликвидированы все наступательные баллистические ракеты?

ГОРБАЧЕВ. В первой части Вашей формулировки речь идет о стратегических наступательных вооружениях, а во второй – только о баллистических ракетах. Естественно, в стратегические вооружения

включаются баллистические ракеты – наземные, подводных лодок, а также и бомбардировщики. Почему же во второй части формулировки у Вас говорится только о баллистических ракетах?

РЕЙГАН. Это единственное, против чего Вы возражаете?

ГОРБАЧЕВ. Я просто пытаюсь уточнить этот вопрос.

РЕЙГАН. С ним нужно разобраться.

ГОРБАЧЕВ. Здесь необходима идентичность обеих формулировок. Если мы в первом случае говорим обо всех компонентах, то надо, чтобы и во втором случае все было ясно.

РЕЙГАН. Видимо, мы просто Вас неправильно поняли. Но, если Вы хотите этого, – ладно.

ШУЛЬЦ. Тут надо быть осторожными. Когда говорится о ликвидации всех стратегических наступательных вооружений, не имеются в виду баллистические ракеты меньшей дальности. Я знаю, что вопрос о них рассматривается в рамках другой категории, но именно здесь, как мне кажется, мы должны принять решительные меры.

ГОРБАЧЕВ. Может быть, во втором Вашем абзаце можно было бы сказать, что в следующие 5 лет ликвидируются остальные 50 процентов СНВ, включая баллистические ракеты. Что касается ракет с меньшей дальностью, то они у нас рассматриваются во втором пункте нашей договоренности. Ракеты с дальностью менее 1000 километров замораживаются, и ведутся переговоры об их дальнейшей судьбе. Об этом говорится в разделе о средних ракетах, но этот вопрос тоже охватывается.

ШУЛЬЦ. Может быть, мы могли бы дать такую формулировку: к концу 1996 года все стратегические наступательные вооружения и все наступательные баллистические ракеты СССР и США будут ликвидированы.

ГОРБАЧЕВ. Но ведь вопрос о других баллистических ракетах рассматривается в рамках другой категории, и там об этом можно упомянуть.

ШУЛЬЦ. Но там не ставится вопрос об их ликвидации.

ГОРБАЧЕВ. Мы их заморозим, начнем переговоры об их судьбе, и, я думаю, решим их судьбу.

ШУЛЬЦ. Что касается ракет промежуточной дальности и с меньшей дальностью, то у нас не шла речь о двух пятилетних периодах. Мы говорили о соглашении, которое будет существовать до тех пор, пока не будет заменено. Если мы договоримся, что это произойдет в течение 5-ти лет, то к концу этого срока будут ликвидированы все ракеты.

ГОРБАЧЕВ. Мы можем договориться обо всех ракетах, включая ракеты с дальностью менее 1000 километров. Но здесь, когда мы говорим в контексте Договора по ПРО, речь идет о стратегических наступательных вооружениях. У нас с Вами общее понимание, что такое стратегические наступательные вооружения.

ШУЛЬЦ. Но ведь Договор по противоракетной обороне касается всех ракет, а не только стратегических. Но, может быть, здесь у нас спорить не о чем?

ГОРБАЧЕВ. Думаю, между нами тут нет разногласий, и надо лишь найти отражение нашей договоренности.

ШУЛЬЦ. Поэтому я и предлагаю написать, что к концу 1996 года будут ликвидированы все стратегические наступательные вооружения и все наступательные баллистические ракеты.

ГОРБАЧЕВ. Но тогда у нас в первом и во втором абзацах опять будут разные формулировки. Думаю, что при формулировании наших договоренностей мы сможем этот вопрос урегулировать.

РЕЙГАН. Я хочу спросить: имеем ли мы в виду, – а я думаю, что это было бы очень хорошо, – что к исходу двух пятилетних периодов будут ликвидированы все ядерные взрывные устройства, включая бомбы, средства поля боя, крылатые ракеты, вооружения подводных лодок, средства промежуточной дальности и т. д.?

ГОРБАЧЕВ. Мы может так и сказать, перечислить все эти вооружения.

ШУЛЬЦ. Давайте так и сделаем.

РЕЙГАН. Если мы согласны, чтобы к концу 10-летнего периода ликвидируются все ядерные вооружения, мы можем передать эту договоренность нашим делегациям в Женеве, с тем чтобы они подготовили договор, который Вы сможете подписать во время Вашего визита в США.

ГОРБАЧЕВ. Ну, ладно. Здесь у нас выход на договоренность есть. **Меня серьезно смущает другой момент. Мы ведем речь о том, чтобы строго соблюдать бессрочный Договор по ПРО, чтобы в этих целях взять обязательство не использовать в течение 10 лет право на выход из Договора. Мы делаем это в условиях сокращения ядерных вооружений. Тогда нам непонятно, почему американская сторона не дает согласия на то, чтобы исследования, разработки и испытания ограничивались рамками лабораторий. Если мы запишем по-другому, то это даст возможность одной из сторон толковать Договор по ПРО таким образом, что она может производить эти работы где угодно и при этом утверждать, что не нарушает Договор по ПРО. Как это повлияет на начавшийся к тому времени процесс сокращения ядерного оружия? Ясно, что негативно. Создастся неравная ситуация, ухудшится безопасность одной из сторон, утратится ясность. Таким образом, Договор по ПРО должен укрепляться, а это означает, что мы не можем снять из нашего текста упоминание лабораторий. Этого нельзя делать, если мы стоим за точное соблюдение Договора по ПРО. Вопрос о лабораториях имеет принципиальное значение.**

РЕЙГАН. Я не согласен с тем, что ограничение испытаний компонентов ПРО только лабораториями обозначает строгое толкование Договора по ПРО. У нас есть признанное нами различие в толковании Договора по ПРО. С точки зрения существа вопроса, это, на мой взгляд, не имеет значения. Наша цель состоит в том, чтобы обезопасить себя от возрождения ракет после их уничтожения, чтобы сделать своего рода противогаз от ядерных ракет, развернуть оборонительную систему. При этом мы рассматриваем такой вариант лишь как возможность, как один из вероятных исходов. Я уже обо всем этом говорил. Говорил и обо опасности ядерных маньяков.

ГОРБАЧЕВ. Да, про противогаз и про маньяков я слышал уже, наверное, раз десять. Но это все равно меня не убеждает.

РЕЙГАН. Я говорю об одной из возможностей того, что произойдет через 10 лет. Может быть, ничего и не будет. Может быть, те люди, которые станут лидерами в то время, решат, что эта система слишком дорогостоящая, чтобы ее разворачивать, откажутся от СОИ. В любом случае мир приветствовал бы, если бы мы перешли к сокращению ядерных вооружений и не делали камня преткновения из этого вопроса. Мы просим не отказываться от СОИ, а Вы пытаетесь сейчас определить, что будет через 10 лет.

ГОРБАЧЕВ. Если мы сделаем запись о признании возможностей ведения исследовательских работ, относящихся к СОИ, в пределах лабораторий, то это не будет означать, что американское правительство не сможет решать вопросы, относящиеся к этой программе. Такая запись не будет запрещать исследований, разработок и испытаний, в том числе относящихся к космическому оружию. Но она позволила бы гарантировать строгое толкование Договора по ПРО, она позволила бы предупредить выход этого оружия из стен лабораторий, выход его в атмосферу и в космос. Это же совершенно разные вещи. Мы говорим о соглашении, которое должно укрепить мир, а не подвергать его новым опасностям.

РЕЙГАН. Я не требую права на разворачивание космической ПРО, я говорю лишь об исследованиях, разрешенных по Договору по ПРО. Кстати, здесь и Советский Союз не во всем безупречен. Я имею в виду Красноярскую РЛС. У нас есть различное толкование Договора по ПРО – это факт.

ГОРБАЧЕВ. Мы ведем разговор о том, чтобы испытания в рамках СОИ производились только в лабораториях. Мы не можем пойти на то, чтобы они вышли в атмосферу или в космос. Это для нас неприемлемо. Это вопрос принципа.

РЕЙГАН. Вы разрушаете мне все мосты к продолжению моей программы СОИ. Я не могу пойти на ограничения такого плана, как Вы требуете.

ГОРБАЧЕВ. В отношении лабораторий. Это Ваша окончательная позиция? Если да, то тогда на этом мы можем окончить нашу встречу.

РЕЙГАН. Да, окончательная. Все дело упирается в то, что у нас с Вами существует разногласие относительно того, что разрешено Договором по ПРО, а что не разрешено.

ГОРБАЧЕВ. **Из нашего разговора я делаю вывод о том, что США хотят оставить себе возможность производить испытания по программе СОИ не только в лабораториях, но и за их пределами, в атмосфере и в космосе. Если так, то согласия между нами не будет.**

РЕЙГАН. Но ведь Вы должны понять, что эксперименты, исследования не всегда могут оставаться в стенах лабораторий, иногда бывает просто необходимо выйти за их пределы.

ГОРБАЧЕВ. И Вы меня поймите. Вопрос о лаборатории для нас – это не предмет упрямства или твердолобости. Это не казуистика. Все это слишком серьезно. **Мы даем согласие на глубокие сокращения, и в конечном счете уничтожение ядерного оружия. А в это же самое время американская сторона толкает нас на то, чтобы согласиться на предоставление ей права создавать космическое оружие. Для нас это неприемлемо. Если Вы согласитесь на ограничение исследовательских работ лабораториями, без выхода их в космос, то тогда я буду готов через две минуты подписаться под соответствующей формулировкой и принять документ.**

РЕЙГАН. А я не могу пойти на это. У нас с Вами разное положение, разные проблемы. В Вашей стране никто не может критиковать Вас без того, чтобы попасть в тюрьму. У меня же положение другое. У меня много критиков, которые пользуются большим влиянием. И если я соглашусь на такую формулировку, то они начнут против меня кампанию, обвинят меня в том, что я нарушил данное мною обещание народу США относительно СОИ. Я и так беру на себя обязательство в течение 10 лет не развертывать соответствующие системы, ограничиться исследованиями, разрешенными Договором по ПРО. Я от Вас не прошу ничего необычного.

ГОРБАЧЕВ. Господин Президент, как я понимаю, Вы сейчас обращаетесь ко мне доверительно, как к человеку, занимающему в своей стране равное с Вами положение. Поэтому я так же доверительно и откровенно скажу Вам: если мы подпишем пакет, содержащий крупные уступки Советского Союза по кардинальным проблемам, то Вы станете без преувеличения великим Президентом. От этого Вы находитесь буквально в двух шагах. **Если мы договоримся об укреплении режима ПРО, о строгом соблюдении Договора по ПРО и о лабораторных исследованиях, которые не исключали бы работ в рамках СОИ, то это будет успехом нашей встречи. Если же нет – давайте на этом расстанемся и забудем про Рейкьявик. Но другой такой возможности не будет. Во всяком случае, я знаю, что у меня ее не будет.**

Я твердо верил в то, что можно договориться. Иначе бы я не ставил вопроса о срочной встрече с Вами, иначе бы я не приехал сюда от имени советского руководства с солидным запасом компромиссных, серьезных предложений. Я рассчитывал, что они встретят понимание и поддержку с Вашей стороны, что мы сможем решить все вопросы. Если это произойдет, если мы добьемся глубокого сокращения и уничтожения ядерного оружия, то тогда все Ваши критики и рта не смогут раскрыть. Они просто пошли бы тогда против мнения подавляющего числа людей в мире, которые приветствовали бы наш успех. Если же мы окажемся не в состоянии договориться, то, видимо, это уже будет дело другого поколения руководителей, у нас с Вами времени уже нет.

Американская сторона не сделала по существу никаких уступок, ни одного крупного шага навстречу. На такой основе трудно вести дела.

ШЕВАРДНАДЗЕ. Я буду говорить очень эмоционально, так как чувствую, что мы очень близко подошли к решению этой исторической задачи. И когда будущие поколения будут читать записи наших переговоров, они не простят нам, если мы упустим эту возможность.

РЕЙГАН. Хочу сказать одну вещь Вам как один политический руководитель другому. У меня есть проблема, проблема для меня весьма существенная. Меня подвергают критике, она началась еще до моего приезда сюда. Говорили, что я пойду на уступку, соглашусь на длительный период времени невыхода из Договора по ПРО. И поэтому я прошу Вас, как политического руководителя, пойти на один шаг, который значительно облегчит наши отношения и решение многих вопросов вместе с Вами. Скажу откровенно: если я дам Вам то, чего Вы просите, то это, несомненно, сильно повредит мне внутри страны.

ГОРБАЧЕВ. Что ж, давайте тогда на этом закончим. На то, что Вы предлагаете, мы пойти не можем. Я сказал все.

РЕЙГАН. Неужели Вы ради одного слова в тексте отвергаете историческую возможность договоренности? Ведь из нашего текста ясно, что мы будем в течение всего этого срока соблюдать Договор по ПРО.

ГОРБАЧЕВ. Вы говорите, что дело в одном слове. Но здесь дело не в слове, дело – в принципе. Ясно, что если мы идем на сокращение, нам необходимо иметь уверенные тылы. Мы не можем согласиться с тем, чтобы в период, когда будут осуществляться сокращения ядерного оружия, Вы расширили бы свою СОИ, шли бы с ней в космос.

Если я вернусь в Москву и скажу, что, несмотря на договоренность о глубоких сокращениях ядерных вооружений, несмотря на наше согласие на 10-летний срок, мы дали Соединенным Штатам право испытывать СОИ в космосе с тем, чтобы к концу этого срока США были бы готовы к развертыванию, то меня назовут дураком, безответственным руководителем.

Если Вы согласитесь ограничить исследования лабораториями, то тогда будут рамки, а Вам на 10 лет хватит работы по исследованиям в рамках СОИ и в стенах лабораторий. И Вы сможете сказать, что Вы продолжаете СОИ, не отказываетесь от нее, если это Вам так нужно для американской нации.

Весь этот вопрос для нас – не вопрос престижа, я ему не придаю особого значения; это вопрос, затрагивающий интересы нашего народа.

РЕЙГАН. После нашей встречи в Женеве я был убежден в том, что мы с Вами установили личный контакт, равного которому еще не было у руководителей наших двух стран. Мы с Вами очень хорошо понимали друг друга. А вот теперь, когда я попросил Вас о личном одолжении, которое оказало бы огромное влияние на наши будущие отношения, Вы отказали мне в этом.

ГОРБАЧЕВ. Одолжения бывают разные. Вот если бы Вы пришли ко мне и сказали, что у Вас трудности с фермерами, что они требуют увеличения закупок зерна Советским Союзом и что Вы просите об этом как о личном одолжении, то это я мог бы понять. Но **я не могу понять, как Вы можете просить согласия СССР на то, чтобы предоставить США в период глубоких сокращений и ликвидации ядерных вооружений право в течение 10 лет отрабатывать космическую ПРО в космосе, в полном объеме реализовывать СОИ, в то время как мы уничтожали бы наступательный ядерный потенциал. Это, если вдуматься, не должно устраивать даже США. Это создало бы нервозность, отсутствие доверия, и совершенно для нас неприемлемо.** Вам бы такая услуга тоже была бы не нужна.

РЕЙГАН. Но если у вас не будет ядерного оружия, то нам нечему будет у вас угрожать. Оборонительная система могла бы быть развернута не раньше, чем через 10 лет, мы пошли на эту отсрочку. Что же касается слова «лаборатории», то у нас есть свой, особый смысл и подтекст. Мне просто сказали бы в таком случае, что я капитулировал, отдал то, что обещал не отдавать. Ведь все другие формулировки мы взяли у вас. Мы говорим, что будем соблюдать Договор по ПРО в течение 10 лет. И вот я вижу, что ничего не получается, и все из-за одного слова, которое имеет специфическое значение. Я просто не понимаю, как Вы можете подумать, что я хочу получить какое-то особое военное преимущество. Ведь это вы своими действиями нарушаете Договор по ПРО. А ведь мы не говорим вам: ликвидируйте то, что

у вас есть. Не ставим такого условия и даже не упоминаем об этом за пределами этой комнаты.

Но дело сейчас в одном слове. Может быть, Вы предложите другую формулировку? Но сейчас в тексте есть все, о чем Вы просили: неосуществление права выхода из Договора по ПРО в течение 10 лет, строгое соблюдение его положений и проведение только таких исследований, разработок и испытаний, которые разрешены этим Договором.

Поэтому я хочу еще раз попросить Вас изменить Вашу точку зрения, сделать это как одолжение для меня с тем, чтобы мы могли выйти к людям миротворцами.

ГОРБАЧЕВ. Мы не можем пойти на то, что Вы предлагаете. **Согласитесь на запрещение испытаний в космосе, и мы через две минуты подпишем документ.** На что-то другое мы пойти не можем. На что могли – мы уже согласились, нас не в чем упрекнуть.

Несмотря на то, что наша встреча заканчивается таким образом, у меня чистая совесть перед нашим народом и перед Вами. Я сделал все, что мог.

РЕЙГАН. Жаль, что мы расстаемся таким образом. Ведь мы были так близки к согласию. Я думаю все-таки, что Вы не хотели достижения договоренности. Мне очень жаль.

ГОРБАЧЕВ. Мне тоже очень жаль, что так произошло. **Я хотел договоренности и сделал для нее все, что мог, если не больше.**

РЕЙГАН. Не знаю, когда еще у нас будет подобный шанс и скоро ли мы сможем встретиться.

ГОРБАЧЕВ. Я тоже этого не знаю.

Журнал «Мировая экономика и международные отношения». 1993. № 8. С. 68-78.